

Постоянство непохожести

Эти книжки, как летящие в мировом пространстве кометы, свела в одной временной точке порядочно подзабытая аббревиатура. Такое бывает нечасто, но наконец-таки случилось к общей радости их авторов и читателей.

В спрессованном звучании — БАМ — была упругая сила молодости, отвергающей лагерный смысл довоенных времен и возрождающей русскую набатность подъема на всенародные дела. В 2004 году исполнилось тридцать лет с начала строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. И поэтические книги засвидетельствовали неоспоримую истину: БАМ не умер, его главные люди хранят традиции и высокий дух времен первопроходцев, когда жили в притрассовых поселках одной семьей, не закрывая двери на замки и засовы. Щедро делились последним куском хлеба, когда непогода закрывала перевалы и продуктовые транспорты застревали в сугробах, вязли в грязи, тонули в разлившихся таежных реках. Это было поистине поэтическое время, несмотря на все бытовые неурядицы и производственные трудности.

Литературная студия «Звено». Стоят: Евгений Мягков, Олег Головкин, Тамара Шульга, Андрей Куклев, Яна Арви, Виктор Либин, Николай Вдовин, Нина Дьякова, Игорь Игнатенко, Борис Машук, Владимир Гузий, Виталий Лукашенко и Валерий Бирюков; сидят: Марина Либина, Надежда Пузыревская, Жанна Ржевская, Иван Шестак, Борис Райнес и Геннадий Кузьмин. Тында, 1984 г.

То была молодость единого порыва вперед — к Океану. А это русское движение «встречь солнца» неизбежно во все века.

Всё решают кадры, сказал некогда классик государственного строительства. В появлении обзореваемых мною книжек к юбилею «виновен» почетный гражданин Тынды Владимир Гузий, сумевший непостижимым образом согласовать в себе талант организатора поиска средств для издания, кропотливого собирателя и редактора вороха рукописей и вспомнившего наконец-таки о себе литератора, ибо и свою книгу наконец-таки выпустил, чего мы, честно говоря, жаждали.

Уж и не знаю, стоит ли лишний раз объяснять людям, что это за человек? Но, понимая вопросительность юного читателя, штрихами набросаю портрет этого человека. В июле 1975 года в составе ударного отряда «Волгоградский комсомолец» Володя Гузий прибыл на строительство ветки «малого БАМа» Тында — Беркакит. Речка Могот, давшая имя поселку, вставшему на ее живописном берегу, затронула в душе девятнадцатилетнего лесоруба поэтические струны. С той поры он, меняя рабочие специальности электромонтажника, монтера связи на кисть художника-оформителя, мелок учителя русского языка и литературы, блокнот журналиста и режиссера телестудии, — по сути своей оставался поэтом. Ради этого заочно окончил Литинститут, предварительно поломав немало «критических копий» и отточив до блеска художественный вкус на занятиях знаменитой тындинской литературной студии «Звено».

С тех пор мы с ним почувствовали взаимный интерес друг к другу, хотя не рискну утверждать, что стали друзьями, ибо дело это тонкое и не терпящее панибратства. Даже совместное проживание в одном номере гостиницы ЦК ВЛКСМ «Юность» во время нашего участия в седьмом Всесоюзном совещании молодых писателей, долгие за полночь разговоры о жизни и литературе не позволяют мне при встрече хлопать Володю по плечу: «А помнишь, старина?..» Несомненно, я глубоко и серьезно уважаю цельность природы этого человека, все остальное — производное. Представьте себе только: за три десятка лет Гузий объездил и обошел, где с лопатой и ломом, где с «целовальником» путеукладчика, где с фотоаппаратом и блокнотом, всю трассу БАМа от Усть-Кута до порта Ванино. Взгляните на карту, прикиньте масштабность маршрута, вырывающегося за рамки трех тысяч километров, представьте только, какой простор открывался перед взором поэта — и вы оцените его подвиг.

Ну а теперь непосредственно о книгах. Изданы они СП «Наука» в Новосибирске. Это четырехтомник, включающий персональные

Владимир Гузий выступает
на Пушкинском празднике
в Тынде. 1979 г.

книжки Тамара Шульги, Жанны Ржевской, Владимира Гузия, а также антологию стихотворений о БАМе «Цветы багульника».

К этому ряду самостоятельно примыкают книги Надежды Пузыревской и ее дочери Лады, о которых скажу наособицу в заключение.

«Образ действия»

Такое имя дал Владимир Гузий своему первому «персональному дитяти», хотя за его плечами более тридцати коллективных сборников столичного и регионального уровней, публикации солидных поэтических подборок в журналах «Огонек», «Знамя», «Литературная учеба» и «Дальний Восток», в альманахе «Приамурье». Про газеты, радио и ТВ и говорить нечего — стихи Гузия на слуху и на виду. Включались его стихотворения изустно и песенно в документальные

и художественные фильмы о БАМе. Помните рефрен «...лучшую дорогу нашей жизни мы с тобою полностью прошли?»

Строчки первых стихотворений Владимира зазвучали упруго и четко, удивительным образом минуя ученическую шаткость интонации. В них сразу же обозначился некий балладный строй видения описываемых событий, тот реализм, без которого занятие стихотворчеством у многих становится игрой в слова. По его стихам-балладам вполне можно снимать эпизоды фильмов, так много в строчках живых деталей строительного быта и общечеловеческого бытия, имен и характеров, событий и подлинно философских раздумий.

Пионерный период БАМа ярко воплотился в произведениях многих поэтов, живших и работавших в наших краях, случались удачи и у заезжего литературного люда. Но изрядная порция романтического

флера снижала художественную ценность скороспелых виршей, добытых в кавалерийских наскоках на злободневную тему.

Иное дело Гузий, он никуда не спешил, обживался навсегда, понимая острее многих, что за каждую легковесную строчку придется расплачиваться самой высокой ценой. Или тебя будут читать и помнить, или ты канешь во мрак забвения. Не об этом ли одно из лучших его стихотворений давней поры «К возвращению...» (1977). Рисуя предполагаемую лет так через тридцать встречу с Тындой, поэт роняет вихрастому шоферу в бежевой «Волге» щемящие сердца соратников слова: «Шеф, подбрось-ка до «Юности». Это недолго. / Ты, наверное, знаешь этот маршрут». Популярный тындинский клуб «Юность», где прошло немало исторических событий, на слух теряет кавычки, превращаясь в ностальгическую метафору. Но поэт не удовлетворяется чисто художественным эффектом находки, на которой иной и остановил бы перо. Он обрывает себя на полуслове, сурово меняя интонацию:

Я приеду сюда...
Будет ветер с Могота
О прошедшей романтике с грустью шептать...
А пока я живу, весь в делах и заботах. —
Надо выстроить город, чтоб потом приезжать.

Мне кажется, что этот, казалось бы, литературный, оборот стал для Гузиев гражданским обетом, как бы высокопарно ни звучало мое утверждение. Судьбой подтвердил Владимир свои строки.

Дружеское посвящение известной поэтессе Тамаре Шутье грозило бы остаться альбомным экспромтом, когда бы не вот это выстраданное, на выдохе произнесенное:

...Здесь так легко начать поэту
И так непросто им остаться.

Испытание временем Владимир прошел по-мужски достойно. Утихли аплодисменты, умолкли оркестры, «брызжащие громом», и оказалось, что главные ценности жизни заключены не столько в грандиозности пережитого периода строительства Магистрала, сколько в общечеловеческих категориях. Саднят «ожоги предательства» подавленных за приватизационным барышом начальников всех мастей. Но есть семья, дети, верные друзья. Есть надежда, что все-таки простит нас дорога, «которую мы потеряли». Это

ведь не о БАМе только, а в первую очередь о стране. Ибо никогда не были лучшие поэты Магистрала певцами одной только темы, пусть и выигрышной на стартовом отрезке. Вырвавшись из стартовых колодок, не все их попутчики оказались готовыми сменить спринтерский восторженный порыв на глубокое дыхание марафонца. Многие сошли с дистанции, не преодолев «мертвую точку» переоценки ценностей. Стихотворение «На перевале» еще хранит отголоски балладного строя:

Мы взяли перевал и разомлели.
И видно четко в обе стороны
И сложности, что мы преодолели,
И радости, что мы достичь должны.
И прелесть в том, что есть на свете память,
И все, что ни случится на веку,
Вновь можно пережить и переплавить
В простую, долговечную строку...

Однако финал уже полемически заострен, поскольку «покоя и воли», о коих мечтал Пушкин, чьи праздники поэзии в Тынде ушли в легенду, не предвидится. В мире купли-продажи «надо трезво понимать, что у поэта есть одно богатство: не продаваться. И не продавать».

Усмехнуться над собой — признак сильного человека. Узнав, что по-эвенкийски «чукчуду» означает: «вернуться по кругу», Владимир Гузий переосмысливает это понятие по отношению к себе самому. Заключительный аккорд его книги мажорен:

На трассы прямые все время надеюсь,
Но к бурным порогам я снова приду.
Куда же я денусь, куда же я денусь,
Если вся жизнь у меня — Чукчуду?

«Осенняя мелодия»

Восемнадцать лет ждала Тамара Шульга свою четвертую книгу. Это не было олимпийским спокойствием, чего уж там кривить душой! Но, как никто другой, не умеет эта хрупкая женщина просить помощи. Как ей писалось? О чем думалось? Перелистывая страницы книги, давайте послушаем тихие мотивы, в которых, тем не менее, пульсирует ток высочайшего напряжения. Что прочитать? Ну хотя бы вот это:

А лето кончилось внезапно.
А солнце схлынуло на запад.
И закружилась голова.
И потеряли смысл слова...
И дождь
впервые зло и грубо
вмиг остудил глаза и губы.
И в оглушающей тиши
метнулось лето из души...

Знакомые шульгинские многоточия. Вроде бы и о сугубо личном, может быть о любви. Но минули годы и оказалось: эти строки еще о чем-то более важном и самом главном, что есть в каждом из нас, — хрупкости и нежности человеческой оболочки, в которой гнездится душа. Подобно Тамаре жили и чувствовали многие ее сверстницы, да вот только поведальось об этом при помощи ее пера. Того самого, о котором она как-то сказала: «На закате осенней порой обронула птица перо...».

Избегая слов «на злобу дня», она шепчет «Молитву»:

Сомнений и ошибок жизнь
полна,
случается, и злоба
ослепит,
и накрывает с головой
волна
из прошлого нахлынувших
обид...
Меня, безбожницу,
в чем хочешь обвини.
Приму любую кару —
назови.
Но, Господи!
Спаси и сохрани
мое дитя,
рожденное в любви...

Груз годов — это опыт ошибок, утрат и редчайших находок. Находки Тамары на вес золота. Давайте вспомним лишь некоторые. «Я утром выбегаю на крыльцо с тем детским чувством солнца и удачи...». Было это в пору, когда «мчались кони над обрывом», когда телефон «готов был к разговору, да никто не позвонил», когда «от тумана на

душе светлым-светло». Города становятся для нее «состоянием души», особенно Тында с ее «майским снегом», «друзьями-градостроителями», тихими домами, куда она входила на закате дня в «штормовке запыленной». Любовь-утрата, любовь-страдание, любовь-верность...

Когда-то Иван Бунин обронил в «Одиночестве»: «Но для женщины прошлого нет: разлюбила — и стал ей чужой». Сказано несколько прямолинейно, чисто по-мужски. Спорить с классиком? Нет, Тамара говорит о том же самом, но именно так, как только и должен говорить настоящий поэт: «А ты мне даже не знаком, — так много утекло воды». Но литература — не способ сведения счетов; споры неразрешимы, если не разрубить Гордиев узел острым клинком прощения. Тут нужна такая сила духа! Только так можно «опять идти на свет той звезды, которой нет».

Венчают новую книжку Тамары рассказы, такие же миниатюрные, как и все ее стихи. Наверное, именно этот жанр помог найти способ рассказать о том, что ну никак не отвечает ее творческому методу в поэзии. Они светлы, хотя обволакивающая их грусть порой трагична. Вряд ли сознательно это делается, просто «лета к суровой прозе клонят». У Шульги проза не суровая, а тоже целомудренно-нежная. Таков автор. И в этом ее сила.

Тамара Шульга, 1990-е гг.

«Еще не вечер...»

Уроженка солнечного Таджикистана, выпускница Куйбышевского инженерно-строительного института Жанна Ржевская на БАМе с 1975 года. Оказалось, что солнца и в наших краях предостаточно, работы по специальности выше головы. Она из того племени, к которому принадлежали парни и девчата, распахнувшие ей двери литстудии «Звено». И до сих пор не отпускает Жанну улица Солнечная в ее родной Кувыкточке, где пригодилась людям талантивая и в меру ершистая женщина в неизменной белой шапочке. Она наследует традицию Маяковского и Цветаевой, развитую затем Робертом Рождественским

и его собратями-эстрадниками Евгением Евтушенко и Андреем Вознесенским, избегая принципиально гладкописания. Мысль пульсирует в словесной коже, порой прорывая фонетическую ткань неожиданным уколом. В пионерный период так и говорила Жанна с людьми от имени таких же, как и она, стихотворцев:

...Поэты рубят — у рек таежных пекарни, бани.

По зимникам тянут тяжелые сани.

Кашеварят. Стоят у корыта.

Прилипают к металлу промерзшему пальцами.

Бухгалтерией бамовской строгой испытаны —

Пыхтят над отчетом святые страдалцы.

Нигде не встречалось сразу столько поэтов,

Пронизанных гроз ослепительным светом,

Строфы ловящих не за облаками, —

Творящих поэзию своими руками.

Столкновение характеров, экспрессивные диалоги, яркие живописные мазки словами-красками. Это шло от матери-рисовальщицы и отца-стихослагателя. С годами пришла спокойная мудрость, интонации приобрели иные оттенки.

Месяц за хребет тихонько лег.

Странный окрик птицы голосистой.

Здесь пробрался изыскатель-бог.

Ниточку невидимых дорог

Протащили за собой геодезисты.

Вот и наш с тобой черед настал.

Сапоги — наш скромный пьедестал.

Наш удел — свиданья и разлуки.

В камешках мозолей наши руки.

Глядь — и белый город в марях встал,

Холода презрев и наши муки,

И дорога к океану потекла...

Вот такие на земле у нас дела...

Пристальное внимание к истории края, обычаям коренных народов, местной топонимике переливается в строчки светлоструйным ручьем. В стихотворении «Бакалдым», как назывался древний весенний праздник встречи эвенкийских родов, иначе день кукушки, голос поэтессы звучит покаянно:

...О, сколько наломали дров,
Души твоей, тайга, не понимая.
Теперь, входя под твой покров, —
Боюсь, что веточку сломаю.

В поэме «Синюшкин колодец», венчающей книгу, Жанна Ржевская делает попытку осмыслить прожитое время. Исповедальность дороги, в которой поезд — «раскрыватели душ», стала контрапунктом поэмы. Это тоже традиция, на сей раз Александра Твардовского, насыщенная личным видением. Принять на себя все промахи и ошибки поколения — «уж моченьки... силушки нет». И тем не менее:

Жанна Ржевская. 1980-е гг.

...И снова у рамы вагонной
гляжу в непроглядную Русь.
На рече-светопреставленье.
На пагубу вечных снов.
На несокрушимое рвенье
ведущих куда-то...
О, Зов...
Бессонно...
Бездомно...
Бездонно...
У края рассвета леплюсь.
Не ненавистью — любовью,
Единой любовью спасусь.

«Цветы багульника»

Антологии стихов о БАМе стали создаваться уже во второй половине 70-х годов. В столичных издательствах одна за другой вышли «Магистраль», «Дорога века», «Стыковка», хабаровчане выпустили сборник стихов и прозы «Дальневосточная юность», в которой солидное место предоставили бамовским авторам. Немало подобных книг напечатали местные издательства тех краев, откуда приехали на БАМ ударные отряды строителей.

Сколько их было? Пожалуй, об этом знает один Владимир Гузий, книголюб до мозга костей, но и он вряд ли назовет точное число. Потом как-то поутихло все, улеглось и подернулось патиной времени. Но вот в 1999 году к 25-летию БАМа Владимир Гузий воскрешает традицию сборником «Золотое звено». Казалось бы, на этом можно поставить точку, однако поиск рукописей и авторов продолжился вплоть до 2004 года, когда грянул очередной юбилей. И наиболее полное «соцветие» бамовских поэтов собралось в антологии «Цветы багульника».

«Букет» получился на редкость щедрым! На 360 страницах по-братски зазвучал хор из ста тридцати авторских голосов, узнаваемых в своей непохожести. Сказать обо всех нереально, но умолчать о некоторых просто невозможно, ибо без них антология потеряла бы нравственные скрепы.

Во-первых, «литературным Кодаром» высится в дымке времени легендарный закоперщик «Звена» и всего, что было связано с литературной жизнью на Восточном участке БАМа, в Тынде, начальник отдела энергетики и связи Дирекции строительства магистрали Олег Головки. Поэт импульсивный и горячий, с грудью нараспашку, он вместе с Борисом Машуком, Александром Побожием и другими товарищами стал одним из отцов-основателей Амурской писательской организации, так как приехал в наши края с членским билетом Союза писателей СССР и неумемной энергией организатора. В вечных заботах о молодежи до себя у него руки просто не доходили, и лишь вернувшись в родную Украину он выпустил свои книги «Поезди надії» и «Струны тайги», которые прислал мне с дарственными надписями. Может быть и другие книги появились, да в хаосе «перестройки» связи наши с Олегом прервались. Но в памяти звучит его громогласное:

Благодарствую, БАМ,
За стихов моих каждую строчку,
За друзей обретенных,
Готовых в тайгу и огонь,
За врагов обретенных,
Сбежавших на дальнюю стройку
От судов, пересудов,
А кто от себя самого.
Благодарствую, БАМ,
Я за подвиг тебя небывалый,
За густое вино,
Что державно течет по устам,
И за каждый вокзал,
И за каждую в линии шпалу,

И за каждый костыль
Я тебя благодарствую,
БАМ!

Чем не гимн Дороге, господа композиторы?

С Геннадием Кузьминым в поэтической кассете «Радуга» (Хабаровск, 1982) мы выпустили наши первые тоненькие книжечки. Гена назвал свою, в противовес окружающему трезвону, куда как скромно — «Будни». Он прожил бурную жизнь военного сироты, для которого стал домом весь Союз. Отсюда его радости, отсюда и «закидоны» происходили. Но в главном он оставался русским поэтом, верным нравственным установкам своего собрата Николая Рубцова, с которым они вместе заочно учились в Литинституте. Реквиемом по себе самому звучат строки из стихотворения «Таежная столица»:

...Завихряется снежная замаять
От колес скоростных поездов.
Мы оставили добрую память
Наших судеб на много годов.

Нарисовав «весну столетия на холсте в три тысячи кэмэ», минув Гиндукуш и другие «горячие точки», перебрался в Северную столицу Питер военный журналист Александр Симаков. А по сопке Фестивальной эхом бродит Сашин обычно ироничный, но на сей раз грустный возглас признательности навсегда:

...Прощай, последняя палатка!
Прощай, родная, и прости,
Что век твой оказался кратким.
Но так случается всегда,
Что разрушаем мы палатки,
Переселяясь в города.

Ушли из жизни, но навсегда остались в литературной летописи Магистрала Владимир Замулаев, Варвара Солнцева, Владимир Юринский, Борис Коптяев, Александр Вельтмандер, Юрий Шикайлов, Александр Палавандов. Не уверен, что этот список полный... Зато живут их строчки, как, например, вот это сыновье признание Володи Замулаева. Помню, как на первом общетрассовом семинаре в 1977 году он читал, от волнения слегка заикаясь, с горлом, перехваченным спазмом любви и уже вгрызающейся в него смертельной болезнью:

Как мы молоды и упрямы,
Как отважны... Но всякий раз
Незаметно стареют мамы,
Провожая в дорогу нас...

И мать, и дочь — служительницы Муз

Надежда Пузыревская. Удивительная женщина! Подвиг беззаветной материнской любви совершила она, вопреки всем медицинским канонам родившая и воспитавшая троих дочерей. Старшая Лада, как и мать, пишет стихи, младшие сестры-двойняшки Маша и Настя стали блестящими художницами. Уже давненько покинув БАМ и вернувшись в родной Новосибирск, Пузыревская сохранила духовную близость с амурскими краями и старыми товарищами. И очевидно не случайно именно в год тридцатилетия БАМа подарила нам третью книгу, словно стараясь не отставать от друзей молодости. Это избранное с типичным для такого рода названием «Страницы дней». Не стану цитировать из нее выборочные строчки, чтобы не нарушать целостности восприятия текста, уж лучше вы повнимательнее прочитайте подборку в альманахе, насладитесь речитативом Надиных строф, утоляющим, как глоток чистой воды в житейской засухе. А привести из книги хочу полностью вот это стихотворение, поведавшее о том, чем переболела не только она, но и ее собратья по «Звену». Ощутите силу характера и потрясающую самоотдачу.

Случилось то, чего боялась я —
накакала, сказали бы старухи:
поэзия покинула меня,
и я безвольно опустила руки.

Бог дал, Бог взял — за что — не знаю я:
за десять лет и ни единой строчки...

И жизнь сосредоточилась моя
на доме, муже, ненаглядных дочках.

И вот опять... Надолго ли, скажи?

Вернул совсем иль так, побаловаться?

Летят, как прежде, строчек этажи,
вот только я не устаю бояться.

Надежда Пузыревская. 1976 г.

Лада Пузыревская. 2009 г.

Верни, верни, пожалуйста, верни
свой щедрый дар, Отец ты мой небесный,
не погаси поэзии огни,
пусть они станут лебединой песней.

Клик в поднебесной синеве, уходящей за жизненный горизонт, —
грустный и протяжный...

Детство старшей Надиной дочери Лады пришлось на пору бамовского расцвета. Неоценима сила влияния матери на впечатлительную душу наследницы, произошла некая генная инженерия, но вот чудо: стилистически поэтिका дочери разительно отличается от материнской. Если у Надежды Пузыревской стихи густо населены разнохарактерными персонажами, кинематографичны по монтажу строк, то Лада впустила в свои стихи лишь двух лирических героев — себя и «его». Философичность метафор и ассоциативность мышления словно бы спорят с сугубым практическим реализмом материнских стихов, но на самом деле они по-своему дополняют их. Разумеется, никакой бамовской экзотики, даже в виде ассоциативной памяти. Это песни другого времени.

Первая книга озаглавлена дочерью «Маэстро полуправды не все-
рвез...», что уже само по себе настораживает читателя. О ком это так

едко? Имя автора предельно лаконично на обложке книжки — Лада, и всё. Впрочем, так сейчас поступают на эстраде певцы, стало быть, особого эпатажа и нет в этом. Иллюстрировали книгу, чего и можно было ожидать в такой семье, младшие сестры Мария и Анастасия. Уж кому, как не им, чувствовать и понимать суть стихов своей «няньки». Получилось впечатляюще. Скажу, что читать стихи Лады лично мне было чрезвычайно интересно по той причине, что это напоминало прогулку по густому лесу: никогда не знаешь, что тебя поджидает за поворотом — то ли ровная тропинка, то ли буреломные завалы. Но никогда — узнаваемая банальность. Словно дух сопротивления вторичности так называемой «литературщины» ведет по листу бумаги руку Лады. Что это, потеря традиции или обретение чего-то нового? Судите сами хотя бы вот по этому характерному стихотворению. Поэт идет по морю, повторяя подвиг Христа, не боясь бездны, готовой при малейшем неверном движении (нет, не стопы, а мысли) разверзнуться под ним и поглотить навеки. Но происходит чудо...

Иду по морю. Мне идти
Так просто — волн не выбирая,
По карте Млечного пути.
Я постепенно понимаю,
Что каждая волна — другая...

Иду по морю. Каждый шаг
Непредсказуемо опасен.
И даже если это так —
То звездный счет пока не ясен
И мой последний путь — преграден.

Иду по морю. Ни к чему
Теперь координаты рая...
Покинув берег, как тюрьму,
Я шаг за шагом постигаю
Искусство жить, не умирая...

Ставить точку в разговоре о поэзии непросто, но когда-то надо это сделать. Вот она — .

Альманах «Приамурье» № 7 (25), 2005 г.